

ИЗАБЕЛЛА
МАЛЬДОНАДО

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПТИЦ

INSPIRIA

Москва

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ МАЙКА ОМЕРА

Внутри убийцы	Пламя одержимости
Заживо в темноте	Тринадцатая карта
Глазами жертвы	(повесть)
Как ты умрешь	Странные игры
Сеть смерти	Фейри -профайлер
Дом страха	Фейри-убийца
Гибельное влияние	Агент Тьмы
Скрытые намерения	Полукровка из Дома Ужаса

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «ВНУТРИ УБИЙЦЫ»

Виктор Метос «Жена убийцы»	Изабелла Мальдонадо «Високосный убийца»
Виктория Селман «Границы безумия»	Ребекка Дзанетти «Одиннадцать подснежников»
Мэри Бёртон «Последний ход»	Аманда Кайл Уильямс «Профиль незнакомца»
Виктор Метос «Ночные твари»	Си Джей Абазис «Цепи рая»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»	Ребекка Дзанетти «Черные георгины»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»	Лайза Рени Джонс «Записки убийцы»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»	Ребекка Дзанетти «Смертельно фиолетовый»
Виктор Метос «Лживая правда»	Изабелла Мальдонадо «Повелитель птиц»

ИЗАБЕЛЛА
МАЛЬДОНАДО

**ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПТИЦ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
М21

Isabella Maldonado

THE FALCON

Text copyright © 2022 by Isabella Maldonado.

All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Мальдонадо, Изабелла.

М21 Повелитель птиц / Изабелла Мальдонадо ; [перевод с английского С. Н. Саксина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах).

ISBN 978-5-04-210159-5

Нина Геррера – та, кому удалось сбежать от загадочного серийного убийцы по прозвищу Шифр, а затем ликвидировать его. Теперь она входит в группу профайлеров ФБР...

Финикс, штат Аризона. В элитном Технологическом институте начали пропадать молодые красивые студентки. Следов нет, тел тоже. СМИ в ажиотаже, семьи пропавших в ярости, полиция в шоке. Теперь сюда едет группа экспертов из ФБР, в числе которых и Нина Геррера. Для нее эта ситуация особенная: недавно в институт поступила ее воспитанница Бьянка – и ей тоже грозит опасность...

Неожиданно приходит известие о том, что в одной из пещер рядом с городом найдены мертвыми пять пропавших девушек. Агентов ждет страшная и непонятная картина. Тела подготовлены к мумифицированию по древне-египетскому обряду, а к ноге у каждой девушки привязан шнурок из очень крепкой кожи. Такие шнурки называются опутинками, и ими привязывают охотничьих птиц – в частности, соколов...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Саксин С.Н., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-210159-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моей семье,
всем тем, с кем я связана
узами крови и узами дружбы:
я бесконечно признательна вам
за ваше понимание и терпение
на протяжении стольких лет.*

Глава 1

Пять лет назад

Фоллс-Чёрч, штат Вирджиния

Тяжелые ботинки сотрудника полиции округа Фэрфакс Нины Герреры гулко стучали по асфальту. Нина гналась следом за смутно виднеющимся в полумраке силуэтом, убегавшим от нее. Тринадцатилетняя девочка, за которой она гналась, была невысокой — ростом не выше Нины, — однако бежала быстро.

По собственному опыту Нина знала, что резкий выброс адреналина больше подходит спринту, чем марафону. Ей достаточно было лишь не выпускать добычу из виду и ждать, когда усталость возьмет свое.

Вероятно придя к такому же заключению, девочка на бегу ухватила за край железной урны, опрокидывая ее на пути Нины. Та подстроила свои шаги так, чтобы перепрыгнуть через катящееся навстречу препятствие, не сбавляя скорости.

— Бьянка, я смогу бежать всю ночь! — окликнула она девочку. — А ты?

Не оборачиваясь и не сбиваясь с ритма, Бьянка подняла левую руку, выставив средний палец.

Нина рассмеялась, громко, чтобы девочка услышала, — на это и был расчет. Она хотела дать понять Бьянке, что пытаться убежать бесполезно.

Вторая миля оказалась для девочки пределом: согнувшись пополам, та уперлась руками в колени, жадно глотая воздух. Нина остановилась в нескольких шагах от нее, прекрасно сознавая, что лучше не торопить события.

Когда Бьянка наконец отдышалась, она исторгла на свою преследовательницу поток ругательств, перемежающихся судорожными вдохами. Уверенная в том, что словесный шквал призван скрыть страх, Нина пропустила оскорбления мимо ушей, сосредоточив внимание на том, как девочка выглядела.

В свои тринадцать лет Бьянка Бэббидж уже отличалась затравленным взглядом, поникшими плечами и настороженным поведением ребенка, который жил на улице, будучи еще слишком маленьким, чтобы постоять за себя. Этот взгляд был хорошо знаком Нине. Она видела его в зеркале, когда сама была в возрасте Бьянки.

— Когда ты ела в последний раз? — тихо спросила Нина. — Вижу, ты уже давно не пробовала ничего горячего...

В юности ей самой довелось испытать и физический, и эмоциональный голод. А после того как она стала работать в полиции, ей столько раз приходилось видеть эти симптомы в других, что никакая мешковатая одежда, никакая броская косметика уже не могли скрыть от нее следы лишений. И сейчас Нина видела все это в стоящей перед ней девочке.

— У вас в полиции что, следят за тем, кто сколько съел? — Бьянка облизнула губы, стараясь скрыть ложь за язвительностью своего вопроса.

— Моя машина здесь, неподалеку. — Нина кивнула в ту сторону, откуда они пришли. — Я могу отвезти тебя в закусочную и угостить бургером.

Бьянка подозрительно прищурила свои голубые глаза.

— Как только моя задница коснется заднего сиденья, ты оттащишь меня в приют.

Нина шагнула ближе.

— Бьянка, давай я накормлю тебя ужином. Я хочу поговорить с тобой, только и всего.

Наступило долгое молчание. Нина чувствовала сверлящий ее насквозь пытливый взгляд девочки, пытающейся определить, можно ли поверить полицейскому.

На протяжении последних недель Нине не раз приходилось слышать, как ее коллеги рассказывают в участке про Бьянку. Из их слов выходило, что девочка уже неоднократно сбегала от опеки, предпочитая жизнь на улице. Они никак не могли понять, почему она отказывается от крыши над головой и трехразового питания ради полной невзгод жизни в темных переулках и парках.

Но Нина это прекрасно понимала.

Она дала себе слово первой откликнуться на вызов, когда Бьянка в следующий раз подается в бега. И тогда дело не ограничится лишь регистрацией заявления и составлением формального отчета — она разыщет девочку и поговорит с ней.

Заявление поступило от супружеской пары средних лет, в течение последних шести месяцев бывшей для Бьянки приемной семьей. Мужчина оказался угрюмым и неопрятным, с солидным пивным брюшком и редкими усиками, лишь немногим гуще тех, что были у его жены, чьи желтые от никотина пальцы постоянно чесали язву на жирной шее. Нина с огромным трудом сдержалась, когда они назвали Бьянку «проблемным ребенком», не желающим никого слушать.

Те же самые слова регулярно появлялись в заявлениях приемных родителей и учителей самой Нины, когда она сама много лет назад жила под опекой.

Весь вечер Геррера прочесывала подростковые тусовки района, показывая фотографию Бьянки, и наконец проследила ее до стоянки за торговым центром. Она увидела девочку в обществе десяти-пятнадцати других подростков, разбежавшихся во все стороны при виде патрульной машины.

Не успели колеса с визгом затормозить, как Нина уже выскочила из машины и побежала за Бьянкой. Вместо того чтобы наброситься на девочку и повалить ее на землю, она следовала за ней по пятам по глухим переулкам и тускло освещенным улицам, не выпуская ее из виду.

Теперь, успев немного перевести дух, Бьянка демонстрировала признаки того, что собирается сбежать снова. Ее взгляд метался по сторонам, тело подалось вперед, словно у бегуна на стартовой позиции. Определенно, обещание ужина соблазнило девочку, однако Нина сознавала, что времени у нее в обрез. Как убедить Бьянку остаться? И, что гораздо важнее, как убедить ее раскрыть все свои тайны? Нине приходил в голову только один путь завоевать доверие девочки.

Она нарушила молчание первой.

— Прежде чем ты удерешь опять, — начала Нина, привлекая изумленный взгляд Бьянки, — мне хотелось бы кое-чем с тобой поделиться.

С вызовом скрестив руки на груди, девочка молчала. Это движение обнажило страшноватый рубец, показавшийся из-под обтрепанного рукава черного худи.

— Я сама выросла в системе опеки, — продолжала Нина. — Своих родителей я не знала. — Она помолчала, давая Бьянке возможность осмыслить услышанное. —

Меня оставили в мусорном баке, когда мне был месяц от роду.

Бьянка недоверчиво окинула ее взглядом с головы до ног.

Нина понимала, как должен был воспринимать ее сейчас тот, кто не знал ее в детстве. Новенькая полицейская форма — серая рубашка и темно-синие брюки, начищенные ботинки на высокой шнуровке и бронежилет, в котором она казалась крупнее — не шла ни в какое сравнение с теми грязными лохмотьями, которые она носила, когда была одних лет с Бьянкой.

— Я не родилась полицейской, — продолжала Нина. — Пока я росла, меня швыряли из одной приемной семьи в другую. Случалось, никто не хотел меня брать и я какое-то время оставалась в приюте. Я небольшого роста, как и ты, и окружающие этим пользовались. До тех пор, пока я не положила этому конец.

— Как? — Бьянка широко раскрыла глаза.

— Идем со мной, и я тебе расскажу, — сказала Нина, насаживая наживку на крючок.

Целый ворох противоречивых чувств сменился на выразительном лице девочки, пока она наконец с видимой неохотой молча не уселась в патрульную машину. Нина отвезла ее в ближайший «Макдоналдс». Заказав обеим бургеры и картошку фри, она продолжила свой рассказ.

— Когда мне было шестнадцать лет, мой приемный отец предложил меня своему букмекеру в качестве оплаты долга, — подчеркнуто резко сказала она.

— Вы хотите сказать... — Бьянка ахнула.

— Я хочу сказать именно это. Когда я отказалась, они меня избили. У меня тоже есть отметины, только мои на спине.

Бьянка опустила рукава, полностью спрятав в них руки.

— И что вы сделали?

— Я подожгла букмекеру бороду и ушла оттуда ко всем чертям. — Нина отправила в рот немного картошки. — Затем какое-то время, как и ты, жила на улице, однако для меня это закончилось плохо. Вот почему я не собираюсь стоять в стороне и смотреть на то, как ты подвергаешь себя опасности. Поскольку в моих силах этому помешать.

Она умолкла, давая девочке возможность осмыслить ее слова, принять то, что она, Нина, понимает ее так, как никто другой. Почувствовав, как неуверенность Бьянки начинает рушиться, Геррера ждала.

Наконец Бьянка отложила недоеденный бургер, и ее глаза наполнились слезами.

— Никто мне не верит, — прошептала она.

Нина молчала до тех пор, пока девочка не посмотрела ей в лицо.

— Я тебе верю.

Этих трех простых слов оказалось достаточно. Слов, которых Бьянка, вероятно, до сих пор не слышала ни от одного взрослого. Она изо всех сил старалась скрыть свои чувства, однако одинокая слезинка все-таки сползла у нее по щеке.

Нина подалась вперед.

— Расскажи мне все.

Плотину прорвало. В течение следующих двадцати минут Бьянка говорила, а Нина внимательно ее слушала. Под конец девочка согласилась снять худи, показав Нине грубые рубцы на руках.

— Это от пластиковых наручников? — спросила Нина, указывая на красные линии на запястьях.

Молча кивнув, Бьянка задрала штанину потертых джинсов, показывая такие же отметины на голени и лодыжке.

— Вот почему я постоянно убегаяю, — произнесла девочка таким же слабым голосом, каким было ее шуплое тело. — Но теперь я больше не могу вернуться обратно. Приемные родители сказали, что если я убегу опять, когда я вернусь, они меня убьют и представят всё как несчастный случай. — Она сглотнула комок в горле. — И я им верю.

Когда Бьянка расправилась с едой, Нина связалась со своим начальством и попросила, чтобы в магистратуре Фэрфакса ее принял кто-нибудь из службы защиты детей, чтобы составить заявление на приемных родителей Бьянки в связи с физическим насилием над ребенком.

Три часа спустя Геррера отперла дверь в свою квартиру на последнем этаже четырехэтажного дома без лифта в неофициальном латиноамериканском квартале Спрингфилда. Распахнув дверь, она обернулась к Бьянке:

— Ничего особенного, но на пару дней сойдет, пока я не найду тебе новую приемную семью.

— Я больше не хочу ни в какуюю... — Девочка наморщила нос.

— Я никуда тебя не отдам до тех пор, пока лично все не проверю.

Открылась соседняя дверь.

— Что здесь происходит? Времени уже за полночь!

Миссис Гомес вышла в коридор в розовом велюровом халате и шлепанцах. Они с мужем приехали в Соединенные Штаты из Чили тридцать лет назад. Здесь они воспитали четверых детей, но теперь остались одни, по-

сле того как в прошлом году и самый младший поступил в колледж.

— Ложитесь спать, миссис Гомес, — махнула рукой Нина. — Это я.

— А это кто? — Прищурившись, миссис Гомес посмотрела на Бьянку.

— Это Бьянка Бэббидж. Она немного поживет со мной, пока мы не подыщем ей приемную семью.

Миссис Гомес шагнула к девочке, и глаза ее наполнились состраданием.

— *Mijita*¹, где твоя *familia*²?

— Вот эта клевая тетка только что отправила в каталажку двух бездельников, делавших вид, будто они заботятся обо мне!

Нине была знакома подобная тактика. Спрятать боль под толстым слоем бравяды. А если не получится, изобразить безразличие. У детей, растущих без надежной опоры в лице родителей, много способов решать эту проблему, и в свое время Нина перепробовала их все. Иногда она до сих пор прибегала к ним.

— Никаких родственников? — в ужасе произнесла миссис Гомес. — Ни дяди, ни тети? Ни бабушки с дедушкой?

Бьянка устала себе под ноги.

Неловкое молчание нарушила Нина:

— Служба защиты детей несколько дней назад забрала Бьянку у ее приемных родителей. В подробности я вдаваться не могу.

Миссис Гомес протянула руку к девочке, и Нина едва не встала между ними. По собственному опыту она с большим подозрением относилась к непрошеным фи-

¹ Дочка (*исп.*).

² Родители (*исп.*).